

ПЁТР ЛОПАТОВСКИЙ

ЧУЖОЙ

Жданов ведёт расследование

Петр Лопатовский

Чужой

«Автор»

2026

Лопатовский П.

Чужой / П. Лопатовский — «Автор», 2026 — (Жданов ведёт расследование)

Следователю прокуратуры передано на доследование резонансное дело. Молодой человек, недавно демобилизовавшийся из рядов Вооруженных Сил, обвиняется в убийстве криминального авторитета. Расследование не выявило очевидных мотивов, однако имеющиеся улики, а главное - добровольное признание вины, неопровержимо указывали на подсудимого. Дело было почти закрыто, приговор вынесен, когда неожиданное заявление матери обвиняемого – о том, что он не ее кровный сын – стало основанием для возобновления следствия. По мере погружения в детали, следователь приходит к выводу, что личность преступника куда более сложна, чем казалось на первый взгляд. С каждым новым фактом, с каждым проведенным допросом, закрадываются сомнения в том, что задержанный является тем, за кого себя выдает. Несмотря на растущее давление со стороны начальства, настаивающего на скорейшем закрытии расследования, прокурорский работник принимает решение довести дело до конца

Петр Лопатовский

Чужой

Олег Николаевич Жданов, более тридцати лет своей жизни посвятивший службе в прокуратуре в качестве следователя, давно уже стал живой легендой. Не громкой, не медийной — такой, о которой говорят с уважением и кивают за спиной. Руководство ценило его профессионализм, а подчинённые относились к нему с глубоким, почти благоговейным почтением. Жданов обладал несомненным талантом, который позволял ему эффективно вести самые запутанные следственные дела. Его чутье и глубокое понимание человеческой психологии делали его одним из лучших специалистов в профессии. С годами Олег Николаевич отточил свои навыки до предела. Он использовал всего несколько методов для достижения нужного результата — и все они были исключительно психологического характера. Силовые методы он считал недопустимыми.

— Если бьёшь человека, — говорил он молодым следователям в качестве назидания, — ты никогда не добьёшься правды. Ты добьёшься того, что он скажет все, что угодно, лишь бы ты перестал бить. А нам нужна правда. Настоящая. Которая не горит в огне и не тонет в воде.

И он всегда резко пресекал любые попытки применения силы, если ему становилось известно о таких фактах. У Жданова был свой, отработанный до автоматизма ритуал допроса. И надо сказать, не самый гуманный. Сначала он досконально изучал обстоятельства дела, факты и улики, после чего приступал к допросу. Предварительно создав атмосферу, в которой будет вестись «беседа». Для этого температуру в комнате для допросов слегка понижали, чтобы человек чувствовал дискомфорт, но не настолько, чтобы это можно было назвать издевательством. Сам следователь часто опаздывал на встречу — на двадцать, а то и на тридцать минут, оставляя подследственного в одиночестве, в пустой комнате, где тишина давила на уши, а холод медленно пробирался под одежду. Когда подследственный приходил в состояние, которое сам Жданов называл «полуфабрикатом», появлялся следователь. Он производил впечатление человека, вырезанного из гранита. Строгий костюм, безупречная осанка, лицо, на котором нельзя было прочесть ни одной эмоции. Говорил он ровно — не повышая и не понижая тона, словно включая заранее записанную аудиозапись. В такие моменты следователь как бы уходил в свои мысли, оставляя подследственного наедине с собой. Ощущение одиночества, безысходности и неослабевающего холода — порой приводило людей к эмоциональным срывам. Кто-то начинал паниковать, кто-то проявлял агрессию, кто-то, наоборот, плакал или закатывал истерику. Но ни один из них не мог достучаться до Олега Николаевича. Он сидел, смотрел сквозь стекла массивных очков и ждал, когда их защита рухнет сама собой. Эти методы, конечно, вызвали критику. На самого следователя периодически приходили жалобы — от правозащитников, от адвокатов, даже от некоторых подследственных, которые считали себя оскорблёнными. Но работа Жданова приносила результат. Стабильный, высокий результат. И у него всегда находились влиятельные защитники.

Шли годы. Олег Николаевич должен был уже стать прокурором — этого ждали, и он это заслужил. Но неожиданно для всех Жданов отказался от назначения.

— Я нужен здесь, — сказал он тогда начальству. — Там — политика, бумаги, отчеты. Это не мое.

Близкие люди знали: на самом деле эти перемены связаны с трагической утратой. Смертью его супруги, которую Олег Николаевич любил безмерно. Он этого никогда не скрывал и не стеснялся. И когда ее не стало, что-то в нем сломалось. Он остался на должности следователя, но с этого момента его методы стали совершенно иными. С этого момента Жданов перестал пользоваться теми методами, которые были столь эффективны. Теперь температура в комнате оставалась вполне комфортной. А сам следователь не опаздывал, и зачастую приходил раньше

подследственных. Он внимательно выслушивал ответы на свои вопросы, кивал, делал пометки в блокноте. Во всех его действиях появилась формальность, пропал азарт, с которым он до этого действовал. Но иногда во время допроса с ним происходили удивительные метаморфозы. Жданов садился напротив подозреваемого и скрестив пальцы перед собой внимательно слушал, иногда задавая уточняющие вопросы. В определённый момент он убирал руки и в этот момент его взгляд, как будто говорил: «А теперь, послушайте, что расскажу вам я.» Потом — долго смотрел на собеседника через стекла массивных очков. Не отрывая взгляда. Не моргая. Казалось, он проникал внутрь сознания подследственного, и никакая защита не могла устоять перед этим глубоким, пронизательным взглядом. В этот момент в глазах следователя можно было прочесть всю безграничную печаль и вселенскую боль, которую он переживал после утраты. Эта печаль была столь глубокой, столь значимой, что тайны и преступления, которые обсуждались в комнате, казались совершенно ничтожными по сравнению с тем, что переживал сам Олег Николаевич. Подследственные чувствовали это. Интуитивно, где-то в глубине сердца. Выдержать такое более получаса не мог никто. В итоге Олег Николаевич знал все, что он должен был узнать, но никакого удовлетворения это не приносило.

Каждое утро в одно и то же время — ровно в восемь пятнадцать — Жданов появлялся в коридоре прокуратуры. Крепкий, высокого роста, он обладал еще какой-то внутренней статью, которая придавала ему вес и авторитет даже без погон и званий. Волосы — почти без седины, аккуратно расчесанные, подчеркивали его собранность и дисциплину. В одежде он предпочитал строгие костюмы темных оттенков — всегда аккуратно выглаженные, без единой складки, — что подчеркивало его серьезный, почти аскетичный подход к работе.

Миновав гулкий коридор старинного здания прокуратуры, Олег Николаевич, как всегда, поприветствовал коллег.

— Доброе утро, Василий Олегович! — голос его, слегка хриловатый, разносился по комнате, заставляя обернуться.

Кивнул секретарше — пожилой женщине с вечно строгим лицом, которая, тем не менее, всегда отвечала ему улыбкой. Бросил короткое «Здравствуйте» регистратору, который при виде следователя всякий раз вытягивался в струнку. И, наконец, вошел в свой кабинет.

Кабинет Жданова, расположенный в самом сердце старинного здания прокуратуры, был точным отражением его личности. Массивный деревянный стол с резными узорами — не современная пластиковая имитация, а настоящая, тяжелая мебель, которая помнила еще советских следователей. На столе — стопка аккуратно сложенных дел, блокнот для записок в кожаном переплете, старомодная чернильница и перо, которое Олег Николаевич иногда использовал для особо важных записей. Вдоль стен — книжные полки, заполненные юридическими справочниками, кодексами, комментариями к законам. Все это было не для декора — Жданов действительно знал, где что лежит, и мог протянуть руку к нужному тому, даже не глядя. Порядок здесь был идеальный. Книги расставлены по алфавиту, папки пронумерованы, на каждой полке — аккуратная табличка с указанием тематики. На стене — карта города, с закрепленными булавками разных цветов: красные — места происшествий по текущим делам, синие — еще не проверенные адреса, желтые — точки, требующие особого внимания. Перед столом — кресло для посетителей. Простое, но удобное. Жданов всегда говорил, что комфорт гостя должен быть в меру — чтобы не отвлекать от сути разговора, но и не провоцировать лишнего напряжения. На подоконнике — горшок с фиалкой. Это был единственный элемент уюта в этом суровом, «мужском» кабинете. Фиалку посадила его жена, много лет назад, и он никогда не забывал поливать ее каждую неделю.

Сегодняшний день обещал быть спокойным, но ещё с утра Олег Николаевич чувствовал странное волнение. Он облокотился на подлокотники кресла, поправил очки и достал пачку сигарет. Курить в кабинете официально было запрещено, но для Жданова делали исключение. Он сделал глубокую затяжку, и густые клубы дыма медленно поднялись к потолку, растворя-

ясь в полумраке кабинета. Его взгляд был прикован к папке, лежавшей перед ним. Это было дело, которое, казалось бы, уже было закрыто и поставлено на полку. Молодой человек, Сергей Ромашин, недавно вернувшийся из армии, точнее из военного госпиталя, полностью признал свою вину в хладнокровном убийстве известного криминального авторитета по кличке «Бурый». Ромашин пришел в ресторан «Алладин» и сделал заказ. Когда официант ушел, Ромашин достал пистолет Макарова, подошел к соседнему столику и выстрелил три раза в авторитета. Два раза в грудь, один раз в голову. Потом снова сел за свой столик и ждал, пока приедет полиция. Вину признал полностью. О мотивах говорить не стал. Приговор был суров — восемь лет строгого режима. И хотя защита подала апелляцию, шансы на его смягчение были невелики. Но неожиданный поворот в деле поставил под сомнение все сделанные выводы. Мать Сергея — одинокая женщина, живущая на окраине города — неожиданно подала заявление. В нем она категорически утверждала, что человек, признавший себя убийцей, — вовсе не ее сын. Не Ромашин. Чужой человек, который присвоил имя и биографию ее погибшего — или пропавшего — ребенка. Кроме нее, таких сомнений не было ни у друзей Ромашина, ни у его соседей. И все-таки, это заявление ставило под сомнение все предыдущее следствие. Заняться этим делом Жданов попросил лично прокурор — старый знакомый, который знал цену опытному следователю. Раскрытое дело уже было в отчетах и портить их не хотелось. Так что Олегу Николаевичу пришлось срочно отложить текущие дела и погрузиться в новое расследование.

Первым делом следователь запросил материалы предыдущего следствия: показания свидетелей, протоколы допросов, экспертные заключения. Он внимательно вчитывался в каждое слово, пытаясь найти хоть малейшую зацепку, хоть одно несоответствие, которое могло бы подтвердить слова матери. Он просидел над бумагами три часа, не отрываясь. Кофе остыл в стакане. Сигареты закончились, и он, не замечая этого, начал по привычке крутить в пальцах пустую пачку. Утверждение матери звучало невероятно. Но, как выяснил Олег Николаевич, во время следствия она уже говорила об этом. Следователь, который вел дело первым, отнёсся к её словам скептически — списал на нервное потрясение, на плохое состояние здоровья, на нежелание признать, что сын стал убийцей. Но Жданов не был так уверен. Он перечитал показания Ромашина — того самого, который сидел в СИЗО и ждал этапирования. Тот говорил уверенно, чётко, без запинок, описывал детали, которые мог знать только убийца. Но... Что, если он узнал эти детали не потому, что был там? Что, если ему рассказали? Подготовили?

Жданов откинулся на спинку кресла, снял очки и потёр переносицу. Мать может ошибаться. Или лгать. Он не знал. Пока — не знал. Но он собирался узнать. Олег Николаевич посмотрел на фиалку на подоконнике — единственное напоминание о той, кого больше не было, — и, открыв чистую страницу в блокноте, обмакнул перо в чернильницу и написал: «Дело Ромашина. Пересмотр».

Потом открыл дело и в который раз прошёлся взглядом по страницам.

— Ромашин служил на российской военной базе на афгано-таджикской границе. Во время боестолкновения был ранен и получил тяжелую контузию. Парень довольно долго провалялся в госпитале, где ему сделали несколько операций на лице, сильно посечённом осколками. Через месяц его выписали, и он вернулся домой к матери. Спустя примерно три месяца Ромашин пришёл в ресторан и застрелил Бурого из пистолета ТТ у всех на виду. Он выстрелил два раза в грудь, оба выстрела были смертельными, и один — в голову. Оружие бросил на пол. Были свидетели, которые говорили, что перед тем, как выстрелить, парень что-то сказал Бурому. Однако другие говорили, что он стал стрелять сразу, как подошёл к столику, за которым сидел авторитет. Почему Бурый оказался без охраны, непонятно, учитывая количество у него врагов. Возможно, кто-то из охраны всё-таки был, но ретировался. При допросах Сергей утверждал, что такие люди, как Бурый, не прожили бы на войне и трёх дней. Больше о своих мотивах он ничего не говорил, а лишь повторял:

— Вы и так всё знаете, так что или отпустите, или вы такие же, как он.

Добиться от него чего-то ещё так и не смогли.

— Какое-то гипертрофированное чувство справедливости, — подумал следователь.

Олег Николаевич отложил дело и прошёлся по кабинету. Он остановился у окна и задумался:

— Всё бы ничего. Возможно, этого парня, у которого после контузии и так с мозгами не всё хорошо, просто использовали. Но почему его мать отказывается в нём признавать сына? Можно было бы подумать, что она таким странным способом хочет его спасти. Однако сомнения у неё появились гораздо раньше. С того самого дня, как Ромашин пришёл из армии, она несколько раз говорила об этом соседке. И это тоже есть в деле, — размышлял следователь.

Он вытащил из папки фотографию Ромашина. Лицо у парня действительно было сильно посечено осколками, и, несмотря на все старания хирургов, смотреть на него было не очень приятно.

— Но мать-то должна была понять, кто перед ней. Не мог же он настолько измениться за время службы. Кроме того, всё-таки странно, что Ромашин не попытался скрыться после убийства Бурого. Значит, либо у парня был сильный мотив, либо его наняли как исполнителя, но договорились, что он отсидит. Такое бывает, но в случае с Ромашинным такой сценарий маловероятен. Значит, у него был сильный личный мотив. Надо сходить к его матери и пообщаться с ней самому, — решил Олег Николаевич.

Он созвонился с Людмилой Олеговной, так звали маму Ромашина, и на следующий день пришёл к ней в квартиру.

Дверь открылась не сразу. Сначала щёлкнул глазок, потом послышался звук многочисленных цепочек и засовов. Перед Олегом Николаевичем предстала женщина, когда-то, должно быть, очень красивая – в чертах лица ещё угадывалась былая тонкость, высокие скулы, большие, хоть и потухшие, глаза. Но время и что-то ещё обработали эту красоту жёсткой, неумолимой рукой. Кожа стала дряблой и сероватой, волосы тусклыми, собранными в небрежный пучок. Она молча впустила его в прихожую. Квартира встретила Жданова запахом застоявшегося воздуха, пыли и сладковатого перегара. Взгляд Олега Николаевича, опытный и цепкий, мгновенно отметил детали: горсть окурков в блюдце на тумбе, потёртый халат на женщине, а главное – пустые бутылки из-под дешёвого портвейна, стоявшие у плинтуса в коридоре, будто стыдливо отодвинутые в угол. Всё стало ясно. Не просто усталая женщина, а человек на дне, и разговор будет трудным.

– Здравствуйте, – начал он. Голос он намеренно сделал тише и мягче, чем обычно. – Олег Николаевич Жданов. Очень извиняюсь за беспокойство. Нам лучше куда-нибудь пройти. Где можно присесть?

Он не ждал приглашения, но и не навязывался, дав ей время. Женщина жестом пригласила на кухню. Жданов выбрал стул у стены, убрав с него пачку старых газет. Женщина села напротив и молча ждала начала разговора. Следователь неторопливо достал блокнот, давая ей привыкнуть к его присутствию.

– Я понимаю, это неприятно, ворошить прошлое, – заговорил он, избегая резких вопросов.

При этом Олег Николаевич смотрел не в блокнот, а на нее, но не пристально, а как бы между делом.

– Но ваша помощь может быть бесценной. Очень важно, чтобы все обстоятельства, а главное, личность осужденного были точно установлены. Давайте просто поговорим. Может для начала – хоть чаю? Я бы сам поставил, если покажете, где чайник.

Олег Николаевич предлагал простые, бытовые действия, чтобы его собеседница перестала видеть в нем лишь еще одну казенную фигуру. Его спокойствие было не каменным, а теплым, обволакивающим. Он давал понять: я вижу не только этот быт и бутылки в углу, я вижу вас. И мне важно то, что скажете именно вы. Женщина, не ожидая такого вопроса, заметно

встревожилась и хотела уже подняться, но следователь жестом показал, что обойдется и без чая. Он понимал, что одиночество и свалившиеся на голову Людмилы Олеговны несчастья сложили эту, когда-то очень красивую женщину. Она никогда не была замужем и об отце Сергея никому не рассказывала. Единственной ее опорой был сын, которого сначала тяжело ранили в армии, а теперь приговорили к сроку за убийство. Хотя Олег Николаевич не сильно верил заявлению матери Ромашина, она была убедительна в своих рассуждениях. Ее сомнения относительно Сергея были основаны не только на травмах лица. Женщина была уверена, что человек, приехавший к ней из военного госпиталя, ничем не напоминал ее сына.

– Послушайте, Людмила Олеговна, я понимаю, что после вынесения приговора, который вряд ли вас устроил, вам не просто со мной говорить. Но это важно. Почему вы утверждаете, что не признаете в Сергее Ромашине вашего сына?

– Это не Сергей, – резко произнесла женщина.

– Почему вы так категоричны? Есть его приятели и ваши соседи, которые признали в нем Ромашина.

– А что мне до них. Пусть своих детей признают так же, как этого.

– Я не хочу с вами спорить, но вы же знаете, какие ранения у него были. Его лицо очень сильно пострадало.

– А я вам не про лицо говорю. Тому, который перед вами приходил, полицейскому, я ему всё сказала.

– Вы могли бы теперь мне это повторить?

– Могу. У Сергея был шрам на левой лопатке. Он упал с дерева, когда ему было семь лет. Шрам не маленький, пять сантиметров. А у этого там ничего нет. Еще родинка на правой щеке, заметная такая, ее тоже нет.

– Про лицо мы вроде с вами решили уже.

– Ну хорошо, а обувь?

– Что обувь? – спокойно переспросил Олег Николаевич.

– То, что я достала из шкафа любимые Сережины туфли и поставила в прихожей, а этот на них даже не посмотрел. Я говорю: "Ты попробуй одень, это же твои любимые!" Он примерил и сказал, что они ему совсем малы. Это как так? Были даже чуть велики, а теперь не налезают.

– Еще что-то?

– Он когда приехал, меня не узнал. Когда у подъезда встретились. Понимаете, родную мать!

– Всё-таки у него была контузия, и случается, что память сильно страдает. К тому же позже он вас всё-таки признал.

Было заметно, что у Людмилы Олеговны появились некоторые сомнения в своей правоте, но потом, видимо, что-то вспомнив, она твердо сказала:

– Не знаю, что там с головой у него, а только он не мой Сережа. Его я все еще жду.

Олег Николаевич смотрел на женщину и думал, правду ли она говорит, или все это бред затуманенного алкоголем человека. Он посидел с ней еще полчаса, расспросив о школьных годах Сергея и посмотрев его фотографии. Одну, с выпускного, он попросил взять с собой на время. Людмила Олеговна нехотя согласилась. В конце концов Олег Николаевич решил, что задерживаться дольше не стоит, и, поблагодарив женщину за беседу, вернулся к себе на работу. Там он попросил одного из своих сотрудников проверить архивы на наличие информации о Ромашине. Версия о личных мотивах не выходила у следователя из головы. Проверка показала, что один раз Сергей Ромашин привлекал внимание сотрудников правоохранительных органов. Несколько лет назад его задержали в связи с подозрением в причастности к краже со взломом. Тем не менее впоследствии его отпустили из-за отсутствия достаточных улик. Не останавливаясь на этом, следователь связался с одним из своих агентов, попросив выяснить любую информацию о Сергее. Через несколько дней агент проинформировал Олега Николаевича, что Рома-

шин далеко не так невинен, как могло показаться на первый взгляд. Выросший в бедности, Сергей всегда испытывал нужду в деньгах. Вероятно, этим обстоятельством и воспользовался Бурый. Познакомившись с миром обеспеченных людей, молодой человек, очевидно, не смог устоять перед соблазном приобщиться к их образу жизни. Он начал работать наркокурьером и выполнять некоторые другие поручения Бурого. Однако это продлилось недолго, и со временем между ними возник конфликт. Сергей отличался вспыльчивым нравом и мог дать отпор любому, независимо от его положения. Бурый же, в свою очередь, не собирался терпеть дерзость со стороны «зеленого» парня. Вскоре конфликт достиг апогея. Однажды, после очередного крупного заказа, который прошел не совсем гладко, Бурый обвинил Сергея в том, что тот присвоил часть выручки. Сергей, как обычно, не стал молчать, и словесная перепалка могла уже перерасти в драку. Если бы не телохранители Бурого, то Сергей, будучи физически сильнее, мог бы нанести ему серьезные травмы. После этого авторитет решил убрать Ромашина, но, видимо, не успел, так как тот ушел в армию. Олег Николаевич внимательно слушал агента, и на его лбу сходились глубокие складки. История Сергея Ромашина становилась все более ясной. На службе Ромашин получил настоящий боевой опыт, а ранение, вероятно, сделало его более жестоким и импульсивным. По возвращении домой у него возник конфликт с матерью, которая его не приняла, так что это тоже ухудшило его психологическое состояние. Тем не менее жить он продолжал у себя дома и стал общаться с одним из старых знакомых, который его признал. Возможно, через него он выяснил, где бывает Бурый, и достав или получив от кого-то пистолет, расправился со своим заклятым врагом. Всё-таки что-то в этой стройной картине вызывало у следователя сомнение, и он решил лично допросить Сергея. При этом вернувшись к старому методу. Когда Олег Николаевич пришел в комнату для допросов, Ромашин был там уже полчаса и заметно озяб. Следователь, проявив заботу, попросил дежурного принести два горячих чая, а затем извинился перед Сергеем за то, что тот так долго ждал. Теперь у Олега Николаевича была возможность внимательно рассмотреть своего подопечного. Перед ним сидел парень лет двадцати двух. Он выглядел крепким, но его лицо, изуродованное шрамами, и постоянно полузакрытые глаза придавали ему болезненный вид. На вопросы следователя Ромашин отвечал вяло и с заметной неохотой. Тем не менее Олег Николаевич пришел к выводу, что последствия контузии у Сергея оказались гораздо серьезнее, чем он изначально предполагал. Ромашин имел достаточно четкие воспоминания о моменте, когда вернулся к матери, но всё, что касалось его жизни до армии, выглядело как лоскутное одеяло, составленное из отдельных фрагментов. Он помнил лишь некоторые эпизоды, причем они были лишены деталей и красок. Сергей часто повторял фразы вроде «я думаю», «это было не сложно понять» и «я знаю, потому что мне сказал такой-то». Он почти не вспоминал о своих взаимоотношениях с Бурым, кроме того, что тот пытался его убить. Ромашин также был убежден, что в армию его отправил именно этот авторитет. Когда Олег Николаевич заметил, что уход Сергея в армию был скорее удачным стечением обстоятельств, поскольку покушение на него не состоялось, Ромашин с уверенностью ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.